
УДК 82.0 (470.621)

ББК 82.3(2=Ады)

Ч – 17

Чамоков Т.Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: 16x76@mail.ru

Хачемизова М.Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры адыгейской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: mira1406@mail.ru

Тембот Керашев и фольклор адыгов

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается роль адыгского фольклора в творчестве Тембота Керашева, постоянно обращавшегося к народным истокам для воспроизведения исторического времени, типичных образов, национальных особенностей и психологии героев. Прослеживается трансформация фольклорных традиций в русло реалистического стиля как устойчивая эстетическая закономерность, которая происходит во всех жанрах прозы писателя. Делается вывод о том, что творческое переосмысление фольклора способствует освоению Т.Керашевым социально-исторического и эстетического опыта народа.

Ключевые слова:

Фольклор, традиции, эпос, вымысел, национальный, жанр, исторический роман, мифологема, взаимопроникновение.

Chamokov T.N.

Doctor of Philology, Professor of Russian Philology Department, Adyghe State University, e-mail: 16x76@mail.ru

Khachemizova M.N.

Doctor of Philology, Professor of Adyghean Philology Department, Adyghe State University, e-mail: mira1406@mail.ru

Tembot Kerashev and folklore of the Adyghes

Abstract:

The paper discusses the role of the Adyghean folklore in creativity of Tembot Kerashev, who addressed constantly the national sources to reproduce the historical time, typical images, national features and psychology of heroes. Transformation of folklore traditions to the course of realistic style, as a steady esthetic law, occurs in all genres of prose of the writer. It is inferred that creative reconsideration of folklore promotes development of socio-historical and esthetic experience of the people by T.Kerashev.

Keywords:

Folklore, traditions, epos, fiction, national, genre, historical novel, mythologeme, interpenetration.

Проблема взаимоотношения литературы и народного творчества всегда актуальна. В новописьменных литературах, в том числе и в адыгейской, прошедшей ускоренный путь художественного мышления от героического эпоса к реалистическому социальному роману, особенно ошутимы связи с традициями устного народного творчества. Эта связь приобрела в них характер эстетической закономерности.

Основным источником гуманистической философии основоположника адыгейской прозы Тембота Керашева является адыгский фольклор, где отражаются жизнь, быт и психология народа, выработавшего веками высоконравственные принципы человеческого поведения. Писатель отмечает: «Роль фольклора в формировании идеологии прежнего адыга... в прошлом была велика. Песни, рассказы всех видов сопровождали всю его жизнь. Сила примера героев господствовала над ним» [1: 105]. Связь творчества Т.Керашева с фольклором подчеркивают все литературоведы Северного Кавказа. Адыгейский литературовед У. Панеш пишет: «Фольклор является у Керашева неотъемлемой частью повествования, он оказывает влияние на фабулу, на построение характера, он может определять ритмику рассказа. Но главное то, что его присутствие носит не назойливый характер и что он нужен не сам по себе, а как средство для создания достоверного реалистического национального характера» [2: 124].

Теоретические статьи о фольклоре и литературная обработка произведений устно-поэтического творчества адыгов составили важное звено в его творческой работе. Писатель широко использует многообразие тем, сюжетов и мотивов фольклора, часто обращается к популярным в фольклоре героям, переосмысливая суть их характеристик применительно к литературным персонажам. Творческое переосмысление адыгского фольклора дает писателю возможность выразить в своей прозе своеобразную концентрацию

общественного, социально- исторического и эстетического опыта народа.

В произведениях Т.Керашева ярко проявляется процесс перехода от фольклорно-эпического мышления к поэтике и стилю художественного реалистического творчества письменной литературы. К фольклорно-литературному синтезу склоняют писателя избираемые темы и сюжеты произведений. Через мир чувств и переживаний героев читатель воспринимает все события и факты, подчеркивающие особенности мышления адыга. Вера адыгов в сказочное чудо – одна из психологических особенностей мира адыгского восприятия жизни. Она передается на фоне национальных обычаев и традиционного этикета. Особенно в историко-эпических жанрах творчества Керашева обнаруживается тяготение к мифологическим мотивам. Так, например, для романа «Одинокий всадник» писатель избрал способ повествования в форме сказа, по законам устного изложения событий с сохранением всех эмоциональных и характерологических особенностей импровизированного рассказа. Сказовая форма дает возможность стилизовать речь персонажей под живую разговорную речь адыга. Этим во многом определяются индивидуально-стилевые особенности прозы писателя.

Приемы и способы изображения, применяющиеся в устном народном творчестве, писатель умело использует в своих произведениях, плодотворно развивая традиции историзма адыгских народных сказаний, преданий, легенд, песен. Фольклор является важным инструментом для выражения эмоций художника при описании особенностей психологии героев с помощью мифологем, идущих от народных истоков.

Мифологию надо понимать как первобытную философию, форму познания мира - как художественный вымысел народа. Мифологемы прозы Т.Керашева еще мало исследованы, хотя обращение

писателя к легендам, мифам, сказкам, народным преданиям и обрядовым праздникам свидетельствует о глубине истоков эмоционально-художественного мира писателя, о впечатляющей силе воздействия на его прозу фольклорного наследия народа. Совмещение мифологических и реалистических элементов повествования всегда было присуще писателю. Примером слияния героико-романтического прошлого с жизненной достоверностью настоящего является его историческая проза. Если взять роман «Одинокий всадник» – роман-сказ о прошлом, в котором изображается жизнь адыгов в более отдаленные времена и где писатель обращается к космосу древнего адыга, – то можно заметить, что меняется и художественная система всей адыгской прозы. Писатели, изображая мир, в котором воссоздается не только реальная жизнь, но и мечта, часто допускают противоречия между логикой художественного мира и требованиями сюжета. Все это проходит через фольклорное сознание, с которым никогда новописьменные литературы не прерывают связи, а как бы обнаруживают в нем, вместе с его художественной красотой, все новые духовно-нравственные истоки.

Некоторые вводимые мифологические сюжеты имеют некий пласт языческой веры. Например, Керашев вводит миф о том, что исторический герой Хатхе Мхамет имел (будто бы) связи с белыми джинами, которые помогали ему во время походов... Или: Ерстэм Залоко перед тем, как пуститься в путь через лес, обращался к языческому божеству покровителю леса: «*О Мазитх!.. Прошу облегчить мой путь, убережь от дурных людей и злых зверей. Помоги мне одолеть врагов!*» [3: 40]. Вера адыгов в сказочное чудо – одна из психологических особенностей мира адыгского восприятия жизни. Писатель показывает связь героического содержания народных сказаний, мифов и песен с образом жизни адыгов. Фольклоризм придает новое качество керашевскому

стилю. В прозе писателя человек всегда вписан в определенную историческую обстановку, в национальную стихию и среду, отраженную в мифах, легендах, сказках, в которых сконцентрированы народные представления о мире и человеке. Взгляд писателя на человека и его судьбу складывается на основе исторического опыта народа и его личного духовного опыта, приобретая многосторонний, универсальный характер

Интерес писателя к истории и фольклору адыгов впервые проявился в публицистических статьях. В осмыслении истории, быта и психологии народа особое место занимает очерк «Искусство Адыге» (1932). В этом очерке писатель подчеркивает, что трагическая история народа художественно воплощалась в героических преданиях и песнях, песнях-гъыбзэ (песни-плачи): «Возвращаясь к условиям своей настоящей тяжелой действительности, пересчитывая свои ряды после походов, перенося бесконечные лишения в этих походах, адыг затягивал бесконечно тягучую, печальную мелодию, подобно свисту беспощадного ветра, хлещущего его одинокую фигуру в степи...» [1:105]. В исторических песнях, созданных народом и привлекаемых автором, особенно ярко отражаются все горести и радости народа. Песня вводит читателя не только в духовный мир человека, но и объясняет содержание той огромной внутренней работы, следствием которой является рождение нового сознания, новых норм поведения человека.

Устные предания и песни адыгов богаты историческим содержанием, имена национальных героев с помощью преданий и песен передавались от одного поколения к другому, фольклор служил своеобразной устной летописью. Использование фольклора помогло Т.Керашеву не только углубить идейное содержание произведений, но и показать человека в его национальной ментальности. Готовность народных героев идти на самопо-

жертвование ради защиты свободы, чести и достоинства своего народа всегда покоряла художественное воображение писателя. Типичными героями писателя являются активные люди, вмешивающиеся во все сложные коллизии жизни. Борьба за свободу и справедливость, жажда деятельности, мужество и выдержка – важные черты их характера, которые базируются на традиционных представлениях адыгов об идеале, глубоко уходящих в глубины устно-поэтического творчества.

Тембот Керашев широко использует в своем творчестве мотивы, идеи и образы повествовательных жанров фольклора. Герой («Дорога к счастью») не случайно вспоминает сказку о белых и черных джинах. Сказка помогает восприятию новых явлений стариком Карбечем. На вопросы о причинах и следствиях явлений в природе и в обществе народ пытался ответить сказочными образами. В них народ воплощал свою фантазию, мечту о светлой жизни, когда в различных гранях полно может проявить себя творческое начало в человеке. И, естественно, что Карбеч выражает свои мысли этими сказочными образами. Керашев вводит в произведение и образ сказочного Куйжия, который всегда побеждал великанов, хотя он сам был невзрачным и физически намного слабее своих противников. Но Куйжий – любимый герой народа, потому что он смекалистый, оптимистичный, храбрый, герой, который «...воплощает тягу к чудесному, необычному, стремлению к обобщению и осмыслению действительности с позиций традиционных нравственных категорий и форм художественного мышления» [4: 249].

Диалектическая подвижность самой наполняемости национальных фольклорных образов хорошо освоена писателем. Он вводит сказочные элементы в том случае, когда необходимо представить то или иное явление жизни в выразительном широком или лаконичном сравнении с тем образом, который удерживается веками в сознании народа. Эстетически

впечатляющий образ придает национальную окраску литературному герою, усиливает его восприятие: *«Когда она дома распускает свои волосы, они покрывают ее до пят. Вода, которую пьет она, видна сквозь горло, так светла ее кожа; когда засучит рукава, мы уже не зажигаем лампу - ее светлые руки освещают комнату»* [3: 291]. Так шутливо – гиперболически говорит Биболет о своей невесте Нафисет. В реалистическую ткань романа входит образ нартской героини – светлоручкой красавицы Адыиф, руки которой излучали жизнетворную энергию и свет. Не случайно образ ведущей героини романа Нафисет сближен со сказочным образом Адыиф. Народ соединял понятие прекрасного с представлением о добре и человечности. Прекрасно то, что служит целям борьбы человеческого, гуманного со злом и мраком, что является залогом торжества высоких идей освобождения человека от всех форм рабства и насилия.

Способностью широко пользоваться арсеналом поэтических средств фольклора отличались джегуако – руководители массовых праздников и игр. В роман «Дорога к счастью» вводится колоритный образ джегуако. По ходу действия он обращается к девушке Куляц, воспевая ее красоту: *«Уи-уи-уиу! Взглянем в сторону Наджехабль, увидим там девушку одну, белое у сороки - цвет ее тела, черное у сороки - цвет ее волос, поступь лани - ее походка, крылья ласточки - брови ее! Прекраснейшая из всех существ, одаренных глазами и бровями»* [3: 201]. В самом отборе поэтических приемов чувствуется богатство языкового арсенала, знакомство с традиционными формулами изображения красоты во внешнем облике женщины: *«Она (Куляц) поплыла навстречу гостям, точно сказочная царевна белых джинов»* [3: 74].

Язык произведений Керашева выбирает такие афористические средства выражения мысли, как пословицы и поговорки, которые несут в его произведениях

большую идейно-эстетическую нагрузку. Адыгейские пословицы метки, своеобразно рифмованы, созвучны. В них, как и в песнях, отражено движение жизни и оценка человека. Т.Керашев обращается к пословицам, когда нужно дать четкую характеристику какому-нибудь персонажу, раскрыть сущность человека, определить обстановку. Речь старика Карбеча пересыпана пословицами и поговорками: *«В неначатом деле змей сидит»*; *«Чем много прожить, лучше много повидать»*; *«Красный цвет - это цвет жизни»*... Каждая из этих пословиц несет в себе отстоявшееся в веках представление народа о смысле жизни, о нормах поведения в быту, в человеческом общении. Большое место занимают в творчестве писателя пословицы, в которых выражен этический идеал трудового народа, его понимание прекрасного, мужественного, достойного в человеке: *«Раз ты человек, так не роняй голову!»*; *«Неважно, что нарядно одет, важно, что опрятно»*; *«Если родился мужчиной, пусть не теряет достоинства своего народа»*; *«Украшай свою жизнь цветами и человечностью»* [3]. Формы выражения жизненной философии в произведениях сочетаются с традиционным обращением к мудрости народных новелл, сказок, притч, афоризмов, которые остаются почти необходимым компонентом содержания.

На современном этапе развития литературы обращение писателей к фольклору принимает еще более активный характер. «...Обращение к народному началу - глубокая потребность национальных литератур наших дней, - пишет Ващенко А.В., - оно способно многое стабилизиро-

вать в личности эпохи космических полетов и «звездных войн»..., (человек – М.Х.) как никогда, нуждается в понимании о том, что имя его действительно «звучит гордо» и в этом процессе самоанализа нет важнее вопросов, чем те, которые задает сегодня человек самому себе» [5: 60 - 61].

Таким образом, народные поэтические традиции в литературе помогают сделать «радостное переоткрытие своих национальных корней» [6: 87]; фольклор становится для писателя важным инструментом для освоения национальных особенностей общества и психологии героев, чтобы осуществить «проникновенное изображение жизни, человека» [Ч.Айтматов].

Заслуга писателя Тембота Керашева, серьезно решающего проблему национального менталитета, роли фольклора в раскрытии этнических характеров, состоит в том, что он создает реалистические образы, используя традиции фольклора. Художественная концепция личности, созданная в его произведениях, утверждает неразрывную связь человека с демократическими многовековыми культурными, бытовыми, этическими, нравственными традициями национального бытия. Писатель возводит национальное содержание до общечеловеческого, опираясь на гуманистический смысл фольклора, осознавая, что каждый народ берет в своем прошлом то, что соответствует его духовному уровню, его жизни, его идеалам, его мечтам.

Так Т. Керашев наметил своим творчеством генеральный путь развития адыгской прозы, синтезировавшей традиции фольклора и литературы в русле высокохудожественного реалистического искусства.

Примечания:

1. Керашев Т.М. Искусство адыге // Революция и горец. Ростов н/Д, 1932. № 2-3. С. 105-115.
2. Панеш У.М. Характеры и конфликты // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1988. С.117-131.

-
3. Керашев Т. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Майкоп, 1981-1983.
 4. Степанова Т.М., Бессонова Л.П. Типология фольклоризма литературных текстов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. № 2 (26). С. 245-250.
 5. Вашченко А.В. Америка в споре с Америкой // Литература. М., 1988. № 3. С. 3-60.
 6. Новикова М. Хронотоп как отстраненное единство художественного времени и пространства в языке литературного произведения // Филологические науки. М., 2003. № 2. С. 60-69.

References:

1. Kerashev T.M. The Adyghe art // Revolution and a mountain dweller. Rostov-on-Don, 1932. No. 2-3. P. 105-115.
2. Panesh U.M. Characters and conflicts // Problems of the Adyghe literature and folklore. Maikop, 1988. P. 117-131.
3. Kerashev T. Selected works: in 3 v. V. 1. Maikop, 1981-1983.
4. Stepanova T.M., Bessonova L.P. Typology of the literary text folklore // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2007. No. 2 (26). P. 245-250.
5. Vashchenko A.V. America in dispute with America // Literature. M., 1988. No. 3. P. 3-60.
6. Novikova M. Chronotope as the detached unity of art time and space in the literary work language // Philological sciences. M., 2003. No. 2. P. 60-69.